

Молитва Господня на кубачинском и литературном даргинском языках¹

The Lord's Prayer in Kubachi and Standard Dargwa

Беяев О. И.

Belyaev O. I.

В статье представлен лингвистический анализ перевода Молитвы Господней на два идиома даргинской группы (нахско-дагестанская семья): литературный даргинский язык и кубачинский. Каждый перевод снабжён подстрочником, морфологическими глоссами и подробным комментарием к наиболее важным конструкциям и словоформам. В конце статьи даётся краткое сопоставление двух переводов.

Ключевые слова: даргинский язык, нахско-дагестанские языки, перевод, Библия

This paper offers a linguistic analysis of translations of the Lord's Prayer into two Dargwa varieties (East Caucasian language family): Kubachi and Standard Dargwa. Each translation is accompanied by a literal translation, interlinear glossing, and detailed comments on the most important constructions and wordforms. At the end of the article I provide a comparison of the two translations.

Key terms: Dargwa, East Caucasian languages, translation, Bible, Lord's Prayer

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина. Я благодарен К. Т. Гадилили за предложение принять участие в анализе текстов молитвы «Отче наш», а также за ценные замечания к тексту настоящей статьи. Я также благодарен А. Дж. Магомедову, Х. А. Юсупову и анонимному рецензенту за их замечания и исправления.

1. Введение

В настоящей статье представлен подстрочный перевод и анализ переводов Молитвы Господней (Евангелие от Матфея 6:9-13) на два идиома даргинской группы нахско-дагестанской семьи: литературный даргинский и кубачинский. Переводы выполнены в рамках соответствующих проектов Института перевода Библии. Публикуется только собственно молитвенная часть, то есть пропущено начало стиха 9 (*Молитесь же так...*) и конец стиха 13 (*...ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь*).

По официальным данным, даргинский язык является одним из крупнейших языков Дагестана: с 485 705 носителями по последней переписи населения [Перепись 2010: IV, 142] он является вторым после аварского. До недавнего времени общепринятой была точка зрения, согласно которой все даргинские идиомы представляют собой диалекты одного языка [Гасанова 1971]. Однако сегодня она всё чаще ставится под сомнение. Так, по данным лексикостатистики степень расхождения между даргинскими «диалектами» сопоставима со степенью расхождения между славянскими или германскими языками [Коряков, Сумбатова 2007]. Поскольку этот вопрос выходит за рамки рассмотрения настоящей статьи, я буду использовать традиционные наименования для даргинских идиомов, в том числе термин *кубачинский язык*, устоявшийся в литературе (ср. [Магометов 1963]).

Место даргинских наречий в нахско-дагестанской семье пока не вполне ясно. Некоторые исследователи объединяют даргинский и лакский в единую лакско-даргинскую группу [Акиев 1977; Хайдаков 1990], однако в последние годы этот подход ставится под сомнение, и даргинскую ветвь чаще рассматривают как самостоятельную; так, например, в этимологическом словаре С. Л. Николаева и С. А. Старостина лакско-даргинская ветвь не выделяется [Nikolayev, Starostin 1994].

Литературный даргинский язык был стандартизован в 1930-х–1950-х гг. в рамках проводившейся тогда в СССР политики «языкового строительства». Тогда было решено основывать его на акушинском — одном из диалектов северной части даргинского ареала. На практике за пределами художественной литературы, культуры и прессы литературный язык используется нечасто. В общении между даргинцами-носителями различных диалектов либо каждый использует свой диалект (в случае взаимопонятности), либо говорящие переходят на русский язык. Тем не менее, литературный даргинский язык является важным элементом этноязыкового сознания даргинцев и имеет большое значение для развития даргинской культуры. Поэтому перевод ключевых текстов мировой культуры, в число которых, несомненно, входит и молитва «Отче наш», имеет большую ценность для развития этого языка.

Кубачинский язык распространён в селении Кубачи Дахадаевского района Республики Дагестан, а также в селе Ашты того же района, куда несколько сотен лет назад отселилась часть кубачинцев. Точное число носителей на сегодняшний день оценить сложно, так как в переписях населения и других источниках кубачинский и даргинский языки систематически не различаются. По данным переписи 2010 г. [Перепись 2010: I, 569] в с. Кубачи проживало 3060 человек, в селе Ашты — 1055.

Выбор кубачинского в качестве второго даргинского идиома для перевода Господней молитвы можно считать довольно удачным, поскольку из всех языков этой группы он является одним из наиболее далёких от литературного как в области лексики, так и в области фонетики и морфологии, ср. [Алексеев, Перехвальская 2000; Мусаев 1995: 61]. Некоторые из этих отличий отмечены ниже в контексте лингвистического анализа текстов на обоих языках. Особенно следует отметить в кубачинской фонетике утрату согласной *r*, которая в начале слова и в интервокальной позиции переходит в *j*, а после гласных перед согласными приводит к удлинению предшествующей

гласной — в результате кубачинский приобрёл фонологическую долготу гласных, не свойственную большинству даргинских наречий. В качестве примера ср., напр., ицаринское слово *rurs:i* ‘девушка, дочь’ [Sumbatova, Mutalov 2003] и соответствующее кубачинское *ju:s:i* id. В области морфологии кубачинский является одним из трёх даргинских диалектов (наряду с амугинским и ширинским), имеющих атрибутив на *-zi* (мн. ч. *-žu*) вместо *-ci* / *-si* (мн. ч. *-ti*) в большинстве других идиомов и полноценную парадигму синтетического аориста: например, *b-a:q'-a-d-i* (N-делать.PFV-PRET-1-SG) ‘я сделал’ вместо лит. *b-ar-i-ra* (N-делать.PFV-AOR-1) ‘я сделал’ — последняя форма формально идентична причастию совершенного вида *b-ar-i(b)*, снабжённому клитическим личным показателем *-ra* (о типологии глагольных парадигм см. [Муталов 2002]; об истории этих форм см. [Belyaev 2018]).

Благодаря прежде всего работам выдающегося дагестановеда, кубачинца А. А. Магомедова, в особенности грамматике [Магомедов 1963], кубачинский является одним из самых описанных даргинских идиомов. Хотя кубачинский нельзя считать в полной мере письменным языком, для него разработан алфавит, учитывающий его фонетические особенности, такие, как наличие фонологических долгих гласных и фарингализованных гласных помимо /a/; с использованием этого алфавита издан русско-кубачинский разговорник [Абакарова 2002]. На кубачинском опубликовано некоторое количество книг, например сборник оригинальных рассказов о мулле Насреддине [Шамов 1994]. Недавно вышло обширное исследование, посвящённое лексике, идиоматике и фольклору кубачинцев [Магомедов, Саидов-Аккутта 2010] и кубачинско-русский словарь [Магомедов, Саидов-Аккутта, Юсупов 2017]. Эти факторы способствуют тому, что для кубачинского, несмотря на сравнительно небольшое число носителей (всего несколько тысяч человек), на фоне других даргинских диалектов степень угрозы довольно низкая, хотя и здесь, к сожалению, наблюдается снижение уровня владения

языком среди молодого поколения. Перевод Господней молитвы подчёркивает важность поддержки малых даргинских диалектов и развития их литературы и культуры.

Прежде чем начать рассмотрение даргинского и кубачинского текстов, следует сказать несколько слов о конвенциях записи и глоссирования. Публикуемый текст сначала (в разделах 2.2 и 3.2) даётся в оригинальной записи автора перевода и с авторским подстрочником. Далее следует подробный лингвистический анализ каждого предложения разбираемого текста, с глоссированием и отдельными комментариями к словоформам, заслуживающим обсуждения.

Грамматические глоссы следуют Лейпцигским правилам (<https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>) с добавлением следующих аббревиатур: ADD — аддитивная частица ('тоже', 'и'); AN — показатель абстрактного существительного; AND — андативный преверб (обозначающий движение от говорящего); ATTR — атрибутив; DOWN — преверб, обозначающий движение вниз; EL — элативная ориентация (движение от ориентира); ESS — эссивная ориентация (состояние покоя); NPL — показатель грамматического класса людей во множественном числе; INTER — локализация внутри сплошной среды; LAT — лативная ориентация (движение к ориентиру); MSD — масдар (отглагольное имя); OPT — оптатив (желательное наклонение); SUB — локализация под ориентиром; SUPER — локализация над ориентиром; UP — преверб, обозначающий движение вверх; VENT — вентивный преверб (обозначающий движение в сторону говорящего). Для упрощения восприятия текста глоссируются только синтаксически и семантически значимые грамматические категории. «Морфодные» (morphomic [Aronoff 1994; Maiden 2004]) показатели, то есть такие показатели, которые возникают исключительно по морфологическим причинам и не имеют собственного грамматического содержания за пределами структуры слова (например, показатели косвенной основы, различных вторичных основ глагола) отдельно не глоссируются, но отделяются

от соседних морфем точкой для обозначения внутренней структуры словоформы, ср. кубач. *murad.i-že* (цель-SUPER[LAT]) и *sub-b.a-ci-w* (небо-PL-INTER-M[ESS]), где *-i-* и *-a-* являются показателями косвенной основы единственного и множественного числа соответственно. Последняя словоформа показательна также тем, что в ней представлено разложение геминаты на морфемной границе (слово произносится как *sur:ac:iw* за счёт регулярной реализации /bb/ как *p:*). Комментарии к каждому примеру пронумерованы и отмечены цифрами нижним индексом рядом со словами, к которым они относятся.

При цитировании словоформ в текстах комментариев позиция классного показателя обозначается символом ε — это дань дагестановедческой традиции, в которой классные показатели отделялись знаком равенства (=). Последний символ используется в своей стандартной функции — для обозначения клитик. Если для глагольной словоформы приводится совершенный и несовершенный вид, они разделяются тильдой, причём несовершенный вид следует за совершенным.

Из соображений удобства изложения я начинаю анализ с кубачинского языка и только затем перехожу к рассмотрению литературного даргинского.

2. Кубачинский даргинский

2.1. Общие сведения

Перевод на кубачинский язык выполнен Амирбеком Джалиловичем Магомедовым. Публикуется впервые. Полный перевод какого-либо из Евангелий на кубачинский отсутствует. Помимо анализируемого фрагмента Евангелия от Матфея, в 2000 г. был опубликован перевод А. А. Магомедовым фрагмента о рождении Иисуса Христа из Евангелия от Луки [Рождество 2000].

При анализе текста использовались данные грамматики [Магомедов 1963], книги [Магомедов, Саидов-Аккут-та 2010], а также кубачинско-русского словаря [Магомедов,

Саидов-Аккутта, Юсупов 2017]. В некоторых случаях используются мои собственные полевые материалы по аштынскому диалекту кубачинского, амузгинскому и ширинскому. Я благодарен за эти данные моим консультантам, прежде всего М. Т. Гаджимурадову (аштынский), А. А. Гамзаеву, А. Р. Рабаданову, М. З. Гасанову (ширинский) и З. Г. Ахмедову (амузгинский).

2.2. Текст

[9] Ццуппаццивзив ниссила Атта, хабарбѣхваб ила дибāла!
‘Наш Отец (, который) на небесах, да прославится твоё имя!’

[10] Сякьяб ила хабарра улка, бидагъ мурадиже ила буццāра дуналжиб ццуппаццибдикъле.

‘Да придёт твоя славная страна, да достигнет цели твоё стремление на земле, как на небе.’

[11] Гьалуччин ниссй гьарбѣ ниссй бажизиб тѳулутѳ.

‘Дай нам хлеб, нужный нам каждый день.’

[12] Чйкѣххви ниссила манугъажил нусса чйкаттѣххудикъле чиблалла багъантажил ниссила.

‘Прости наши грехи, как мы прощаем нашим должникам.’

[13] Гьаммалуккат ниссй чйдялкѳвйзиб макру, амма вйдѣсахъа нусса шшѣтѳаннигул.

‘Не дай нам хитрости, сводящей нас с пути, но спаси нас от дьявола.’

2.3. Подстрочный перевод и комментарий

[9] <i>Ццуппаццивзив</i> ₁	<i>ниссила</i>	<i>Атта</i> ,
c:ub-b.a-ci-w-zi-w	nis:i-la	at:a
небо-PL-INTER-M[ESS]-ATTR-M	мы-GEN	отец
(который) на небесах	наш	отец
<i>хабарбѣхваб</i> ₂	<i>ила</i>	<i>дибāла</i> ₃ !
χabar-b-e:χ ^w -ab	i-la	diba:la
слава-N-пойти.PFV-OPT[3]	ты-GEN	имя
да славится	твоѣ	
‘Наш отец(, который) на небесах, да славится Твоѣ имя.’		

(1) Открывающее молитву слово *сир:а:с:и:wziw* является атрибутивизированной формой интерэссива множественного числа слова *суб* (мн. ч. *сир:и*). Это слово имеет достаточно сложную внутреннюю структуру и заслуживает подробного объяснения.

Геминация в форме множественного числа возникает по морфонологическим причинам в результате сочетания конечного согласного основы *суб* и суффикса множественного числа *-bi*². В формах косвенных падежей конечный *-i* множественного числа заменяется на *-a* (что можно рассматривать как показатель косвенной основы множественного числа).

Морфема *-с:и* является показателем локализации INTER, обозначающей местоположение внутри сплошной среды (именно так трактуется небо). Как и в других даргинских идиомах, немаркированная форма пространственных падежей и наречий обозначает лативную ориентацию (движение к ориентиру). Для обозначения эссивной ориентации используется показатель грамматического класса, согласующийся с абсолютным актантом предикации; в данном случае это показатель мужского (в традиционной терминологии *первого*) класса *-и*, связанный со словом *ат:а* 'отец'³. Таким образом,

² Так как оппозиция по звонкости в данном случае нейтрализуется, теоретически можно постулировать и суффикс множественного числа *-pi* или *-p:i*; однако такие показатели, насколько мне известно, в кубачинском не зафиксированы, тогда как суффикс *-bi* является довольно обычным.

³ Строго говоря, существительное *ат:а* 'отец' является не абсолютным актантом клаузы, в которой находится словоформа *сир:а:с:и:wziw* 'на небесах', но вершиной именной группы, в которую входит эта словоформа. Согласование локативного модификатора по классу в этом случае можно трактовать двояко: либо считать, что он возглавляет собственную клаузу с нулевым подлежащим ('который на небесах'), либо считать, что локативные имена могут согласовываться не только с абсолютным актантом клаузы, но и с вершиной именной группы.

базовая словоформа *sur:as:iw* обозначает ‘на небесах’, букв. ‘в небесах’ или ‘внутри небес’.

Поскольку локативное выражение используется не как обстоятельство уровня клаузы, но как определение к имени (‘отец (, который) на небесах’), оно должно быть модифицировано атрибутивным показателем *-zi=* (который также присоединяется к прилагательным и причастиям, образуя их «полные», синтаксически самостоятельные формы). Этот показатель также включает в себя маркер грамматического класса, который согласуется с вершиной именной группы.

(2) Форма *ħabarbe:ħ^wab* представляет собой сложный глагол, состоящий из именного компонента *ħabar* и формы опатива 3 лица глагола ‘отправиться’. Идиоматическое значение этого сочетания — ‘славиться’. Слово *ħabar* весьма распространено в кавказском ареале; оно восходит к арабскому, но в даргинский заимствовано, скорее всего, из персидского или одного из тюркских языков. Этот термин связан с вербальным сообщением и весьма многозначен, включая такие значения, как ‘новость’, ‘рассказ’, ‘сказка’, ‘слово’.

(3) Существительное *diba:la* является базовым кубачинским термином для значения ‘имя’ и интересно тем, что отличается от представленного в большинстве других диалектов слова *zu* с тем же значением (в кубачинском отсутствует в каком-либо значении). Интересно, что в аштынском диалекте кубачинского языка, отделившемся всего несколько сотен лет назад, используется слово *zu*, что является либо архаизмом, либо, что также весьма вероятно, заимствованием из одного из соседних с аштыным идиомов (кункинского, хуцуцкого).

[10] <i>Сякъяб</i>	<i>ила</i>	<i>ħабарра</i>	<i>улка₁</i> ,
<i>sa^ç-q^ˈ-a^çb</i>	<i>i-la</i>	<i>ħabar-ra</i>	<i>ulka</i>
VENT-ИДТИ.PFV-OPT.3	ТЫ-GEN	слава-GEN	страна
да придёт	твоя/твоей	славы	

бидагъ₂

b-id-av

N-AND-достичь.PFV[OPT]

да.достигнет

мурадиже

murad-i.že

цель-SUPER[LAT]

к цели

ила

i-la

ТЫ-GEN

твой

буццāра₃

bus:ara

труд

дуналжиб

duna-l.ži-b

мир-SUPER-N[ESS]

над миром

циуппацибдикъле₄

c:ub-b.a-c:i-b=diq'le

небо-PL-INTER-N[ESS]=как

как в небесах

‘Да придёт страна Твоей славы / Твоя славная страна,
да достигнет цели Твой труд в мире, как на небесах.’

(1) Именная группа *ila χabarra ulka* может трактоваться двояко: либо с членением [*ila χabarra*] *ulka* ([твоей славы] страна) ‘страна Твоей славы’, либо как *ila* [*χabarra ulka*] (твоя [славы страна]) ‘Твоя славная страна’. Во втором случае форма родительного падежа *χabarra* используется как переводной аналог относительного прилагательного, что типично для кубачинского, как и для других дагестанских языков.

(2) Немаркированная основа совершенного вида в даргинском используется в качестве оптатива, выражающего пожелания добра и зла адресату или третьему лицу, не предполагающие контроля со стороны субъекта — т. н. *перформативный* или *фактитивный* оптатив [Добрушина 2009].

(3) Существительное *bus:ara* по внутренней форме является номинализацией на *-ara* от глагола несоев. в. *zuc:*- ‘работать’. Интересно, что здесь сохранилась фонема *r*, что для кубачинского нетипично (ожидается **bus:aja* или **bus:a:*) — это, вероятно, говорит о заимствовании из одного из других диалектов, где фонема /r/ сохранена.

(4) Частица или послелог *diq'le* присоединяется к составляющей любого типа и формы, обозначая эталон сравнения в эквативной конструкции (о понятии эквативной конструкции см. [Haspelmath 2017]).

[11] <i>Гьалуччин</i> ₁	<i>нисс̄</i>	<i>гьарб̄е</i>
ha-luɕ:-in	nis:-i:	har-be:
UP-дать.IPFV-IMP[SG]	мы-DAT	каждый-день
дай	нам	
<i>нисс̄</i>	<i>бажизиб</i> ₂	<i>т'улутI.</i>
nis:-i:	b-aži-zi-b	t'ulut'
мы-DAT	N-нужный-ATTR-N	хлеб
нам	нужный	
'Дай нам хлеб, нужный нам каждый день.'		

(1) Направительный преверб *ha-* 'вверх' с глаголом 'дать' лексикализован и не предполагает указания на относительное расположение дающего и получающего (так, очевидно, что Бог скорее должен трактоваться, как находящийся выше говорящего).

(2) Адъективная основа *b-aži-* 'нужный' (содержащая классный префикс и, вероятно, глагольного происхождения) соответствует другому корню в большинстве других даргинских идиомов, ср. лит. *ʒaʒni-*. В том числе, между прочим, в аштынском диалекте кубачинского в этой функции используется основа *ʒaʒ^wni-*, родственная литературной форме. В данном случае модификатор *b-aži-zi-b* возглавляет собственную группу *har-be: nis:i: bažizib* 'каждый день нам нужный'.

[12] <i>Чйк̄еххви</i> ₁	<i>ниссила</i>	<i>манугьажил</i> ₂
ɕi:-ke:χ: ^w -i	nis:i-la	manuh-a-ži-l
на:EL-DOWN:M:идти.IPFV-IMP[SG]	мы-GEN	грех-PL-SUPER-EL
прости	наши	грехи
<i>нусса</i>		
pus:a		
мы		

<i>čīkattēxxudikʎe</i> ₃		<i>čiblalʎa</i> ₄
čī-ka-t:-e:χ:-u=diq'le		čibla-lla
на:EL-DOWN-1PL-идти.IPFV-НАВ.З=как		долг-GEN
как мы прощаем		долга
<i>багъантажил</i> ₃	<i>ниссила.</i>	
b-ah.an-t.a-ži-l	nis:i-la	
НPL-ХОЗЯИН-PL-SUPER-EL	МЫ-GEN	
с хозяев	наших	
‘Прости наши грехов, как и мы прощаем наших должников.’		

(1) Форма *čī:ke:χ:wī* представляет собой форму императива от базовой основы несов. в. *≠e:χ:w*- ‘идти’, расширенной направительным превербом *ka-* ‘вниз’ и пространственным превербом *čī:-* ‘с’. Поскольку словоформа содержит префикс мужского класса *w-*, её глубинная форма имеет вид **čī-ka-w-e:χ:w-i*; по общим правилам кубачинской морфонологии интервокальный *w* выпадает, после чего устраняется зияние.

По своей внутренней структуре этот глагол можно буквально перевести как ‘сойди’ (с наших грехов), но его значение давно идиоматизировалось. В исходном значении он не употребляется.

(2) Следует обратить внимание на использование в кубачинском показателя элатива *-l*, достаточно редкого среди даргинских идиомов южного ареала. Более обычным является элатив на **-r*, который имеется, в том числе, в аштынском диалекте (в виде *-j* с закономерным переходом /r/ → /j/, общим для всех вариантов кубачинского). Кроме того, элатив на **-r* (в кубачинском *-j* или долгота предшествующего гласного /i/) используется в системе пространственных превербов, ср. обсуждение преверба *čī:-* выше.

Использование формы элатива для объекта глагола ‘прощать’ связано с историческим значением этого глагола, см. комментарий 1.

(3) В данной словоформе использована форма синтетического хабитуалиса (*настоящее общее* в терминологии

А. А. Магометова), достаточно редкая в современном языке и использующаяся преимущественно в так называемых гномических контекстах, т. е. в значении ‘общих истин’ (половицы, родовые утверждения, общие законы и т. д.). Употребление этой формы вполне отвечает данному контексту, поскольку речь не о конкретном постоянно повторяющемся действии, но об общем принципе. О хабитуалисе в аштынском диалекте кубачинского см. [Беляев 2012].

Классный показатель *d-* в интервокальной позиции закономерно геминируется. В третьем лице и в единственном числе всех лиц он обозначает множественное число нелиц (животных и неодушевлённых предметов), но используется также для контролёров 1 и 2 лица множественного числа, как в данном случае. Об аналогичном явлении в арчинском языке см. [Кибрик 1972; Chumakina, Kibort, Corbett 2007].

(4) Слово *čibla* ‘долг’ является лексикализированным субстантивированным пространственным наречием со следующей внутренней структурой: *či-b-la* (на-N-NMLZ), т. е. долг рассматривается как нечто, лежащее ‘над должником’. Субстантиватор *-la* может быть связан с показателем родительного падежа *-(l)la* (что типологически довольно ожидаемо), но синхронно это — два разных показателя.

(5) Базовая основа — *-ah* ‘хозяин’, с классным префиксом, обозначающим род и одушевлённость референта. Суффикс *-an* является морфоидом, присоединяющимся для образования форм множественного числа.

Существительное является вершиной именной группы *čiblalla bahantažil* (ДОЛГ.GEN ХОЗЯИН.PL.SUPEREL) ‘с хозяев долгов’, т. е. ‘с должников’.

[13] <i>Гьаммалуккат</i> ₁	<i>ниссī</i>	<i>чїдїялкІвїзиб</i> ₂
ha-mma-luk:-a.t	nis:-i:	či:-d-a ^h lk ^w -i:-zi-b
UP-PRON-дать.IPFV-2[SG]	МЫ-DAT	НА:EL-1PL-ГНУТЬ.PFV-INF-ATTR-N
не дай	нам	сбивающую с пути

макру₃, амма₄

makru, amma

хитрость но

вйдѣсахъаба₃

wi:-d-e:s-aq-ab-a

в:EL-1PL-спастьсь.PFV-CAUS-OPT-1PL

спаси

‘Не дай нам хитрости, сбивающей (букв. поворачивающей)

нас [с пути], но спаси нас от дьявола.’

нусса шиѣтІаннигул

nus:a š:e:t’an.ni-gu-l

мы дьявол-SUB-EL

нас

из-под дьявола

(1) Прохибитив от глаголов, имеющих направительный преверб, образуется при помощи префикса *тта-*; с другими глаголами используется специальный вид прохибитивной редупликации, описанный для аштынского диалекта кубачинского в [Беляев 2012]. Набор окончаний прохибитива, в основном, совпадает с набором окончаний хабитуалиса (настоящего общего времени). Обычно гласная перед личным показателем (*i* или *u*) маркирует относительное положение актантов на личной иерархии (см. описание ицаринской системы в [Sumbatova, Mutalov 2003]), но в кубачинском, как и в некоторых других диалектах, глаголы с перфективным причастием на *-un*, как в данном случае, могут присоединять в этой позиции неизменяемый показатель *-a*, см. обсуждение в [Муталов 2002].

(2) В даргинском языке этот глагол идиоматизирован именно в значении ‘сбивать с пути’. Следует обратить внимание на атрибутивизацию инфинитива, предполагающую модальное значение возможности или проспектива (‘способную свернуть’, ‘имеющую свернуть’). В превербе предполагается долгота гласной и элатив по семантическим причинам.

(3) Слово, по-видимому, заимствовано из арабского *makrūh* ‘нелюбимое, ненавистное’ (отсюда также понятие *макрух* ‘нежелательное, но не запретное действие’ в исламской юриспруденции). По сообщению А. Дж. Магомедова, в современном языке слово употребляется редко и имеет значения ‘обман’, ‘хитрость’ и относится именно к хитростям шайтана.

(4) Использование союзов в полипредикации для даргинского нетипично; союз *атта* заимствован из арабского и характерен скорее для письменных текстов на литературном языке. В устной речи в аналогичном контексте использовалось бы скорее общее деепричастие несовершенного вида ('не давая нам хитрости, спаси нас от дьявола').

(5) В кубачинском, как преимущественно транзитивизирующем языке (о терминологии см. [Nichols, Peterson, Barnes 2004]), отсутствует непроемный переходный глагол 'спасать'; вместо него используется каузатив от глагола 'спасаться'.

Использование оптатива 1 лица ('да спасёшь (ты нас)') обусловлено невозможностью использования форм императива с объектом-локутором. Это ограничение является общим для всех даргинских наречий.

3. Литературный даргинский язык

3.1. Общие сведения

Перевод на литературный даргинский выполнен Хизри Абдулмаджидовичем Юсуповым и был впервые опубликован в 2013 г. в рамках издания Евангелия от Матфея, подготовленного Институтом перевода Библии [Инжил 2013]. В настоящей статье представлен переработанный вариант, публикующийся впервые.

При анализе текста использованы данные даргинских грамматик, прежде всего [Абдуллаев 1954; van den Berg 2001], а также даргинско-русского словаря [Юсупов 2017], включая его электронную версию [Муталов, Юсупов, Муталов 2019], и русско-даргинского словаря [Исаев 1988]. Латинская транскрипция в основном следует [van den Berg 2001], с некоторыми изменениями, вызванными требованием сопоставимости с кубачинским и большего соответствия Международному фонетическому алфавиту (МФА). Во-первых, фонема, обозначаемая даргинской буквой *ɣI*, транслитерируется символом *ʔ*

вместо ζ у X. ван ден Берг, так как этот символ МФА (эпиглоттальный смычный) лучше соответствует её смычной артикуляции. Во-вторых, глухой увулярный фрикативный x я обозначаю как χ (у X. ван ден Берг — x), а велярный $x\bar{v}$ — как x (у X. ван ден Берг — \hat{x}).

3.2. Текст

[9] Зубрачивси нушала Дудеш, ХЕла у дурхъабираб!

‘Наш Отец (, который) на небесах, пусть освятится Твоё имя!’

[10] ХЕла ПачяхІдеш бакІаб ва зубрачивван ванзаличибра ХЕла ари бетерхаб;

‘Пусть придёт Твоё Царство, и пусть исполнится Твоя воля на земле, как на небесах;’

[11] ишбархІилис гІягІниси къацІ биха нушаб;

‘дай нам хлеб, нужный нам на сегодня;’

[12] хасардати нушаб нушала чеблума, нушаб чеблали-убтас нушани далтуливан;

‘прости нам наши долги, как мы прощаем должным нам;’

[13] хІялумцІниличи детмадиркахъаба, илбислизирад дерцахъаба.

‘не доведи нас до искушения (букв. испытания), спаси нас от дьявола.’

3.3. Подстрочный перевод и комментарий

[9] Зубрачивси ₁	нушала	Дудеш,	ХЕла	у
zub-r.a-či-w-si	nuša-la	dudeš,	he-la	u
небо-PL-SUPER-M[ESS]-ATTR	мы-GEN	отец	ты-GEN	имя
(который) на небесах	наш		твоё	

дурхъабираб₂!

durqa-b-ir-ab!

ценный-N-делать.PFV-OPT[3]

да будет священным

‘Наш отец (, который) на небесах, да будет священным Твоё имя!’

(1) Внутренняя структура и функция словоформы *zubračiŋsi* полностью аналогичны *siṛ:ac:iwziw* в кубачинском. Основы двух слов — когнаты, с закономерным соответствием куб. *si* ~ лит. *z*. Показатель множественного числа в литературном языке иной — *-r(i)*. В литературном языке используется атрибутивизатор *-si*, характерный для большинства даргинских идиомов; показатель *-zi-b* — черта, присущая только кубачинскому, ширинскому и амугинскому.

(2) Форма *durqabirab* — сложный глагол, состоящий из именной основы *durqa* ‘ценный; священный’ и формы опатива глагола ‘делать’. Глагол имеет как переходное, так и непереходное значение: ‘ценить’, ‘делать священным’; ‘цениться’, ‘быть священным’ (‘святиться’).

[10] <i>XIeła</i>	<i>PačaxIdeš₁</i>	<i>baKlab</i>	<i>wa₂</i>
ħe-la	pača ^h -deš	b-ak'-ab	wa
ТЫ-GEN	царь-AN	N-прийти.PFV-OPT[3]	и
твоё	царство	пусть придёт	и

zubračibwan

zub-г.а-či-b=wan

небо-PL-SUPER-N[ESS]=как

как на небесах

<i>wanzaličibra</i>	<i>XIeła</i>	<i>ari</i>
wanza.li-či-b=ga	ħe-la	ari
земля-SUPER-N=ADD	ТЫ-GEN	воля
также на земле	твоя	

betexab₃;

b-et-eṛx-ab;

N-AND-выйти.PFV-OPT[3]

пусть исполнится

‘Пусть придёт Твоё царство, и пусть Твоя воля исполнится и на земле, как на небесах;’

(1) В отличие от кубачинского перевода, где использована описательная конструкция (‘страна твоей славы’),

в литературном варианте выбран буквальный перевод: ‘твое царство’. Слово *pačāḥdeš* ‘царство’ представляет собой абстрактное существительное от слова *pačāḥ* ‘царь’; последнее, в свою очередь, восходит к перс. *pādešāh* ‘царь, падишах’. Это слово является немаркированным термином для обозначения верховных монархов.

(2) Использование союза *wa* ‘и’, заимствованного из арабского, характерно для письменной речи; в разговорном языке используются деепричастные конструкции либо простое соположение клауз.

(2) Основным значением базовой основы глагола *ɜerχ-* ~ *ɜurχ-* является ‘отправиться; выйти’ [Юсупов 2017]⁴. В сочетании с андативным (т. е. обозначающим движение от говорящего) превербом *ɜet-* этот глагол в числе прочих может иметь некомпозициональное, идиоматизированное значение ‘состояться, реализоваться, сбыться’. Перевод данной словоформы ‘пусть исполнится’ представляется достаточно точным.

[11]	<i>ишбархИлис</i>	<i>ɜIяɜИлиси₁</i>	<i>кьацI₂</i>	<i>биха</i>
	<i>iš-barḥi.li-s</i>	<i>ʔaʔni-si</i>	<i>q'ac'</i>	<i>b-iχ-a</i>
	этот-день-DAT	нужный-ATTR	хлеб	N-дать.PFV-IMP[SG]
	для этого дня	нужный		дай
	<i>нушаб;</i>			
	<i>nuša-b</i>			
	мы-DAT			
	нам			
	‘дай нам хлеб, нужный для этого дня;’			

(1) Ср. комментарий 2 к стиху 11 (к словоформе *bažizib*) в кубачинском.

(2) Следует обратить внимание на несовпадение базовых слов для значения ‘хлеб’ в литературном языке (*q'ac'*)

⁴ В [van den Berg 2001: 280] основа переводится как ‘detach’, что не очень хорошо соотносится с семантикой производных глаголов.

и в кубачинском (*t'ulut'*). Кубачинская форма в целом преимущественно характерна для южной части даргинского ареала.

[12] <i>хасардати</i>	<i>нушаб</i>	<i>нушала</i>
<i>χasar-d-at-i</i>	<i>nuša-b</i>	<i>nuša-la</i>
милость-NPL-оставить.PFV-IMP[SG]	МЫ-DAT	МЫ-GEN
помилуй	нам	наши
<i>чѣблуми₁</i> , <i>нушаб</i>		
<i>čeb-l-umi</i> <i>nuša-b</i>		
долг-PL	МЫ-DAT	
долги	нам	
<i>чѣблалубтас₂</i>	<i>нушани</i>	
<i>čeb-la.li-ʔu-b-t.a-s</i>	<i>nuša-ni</i>	
долг-SUB-NPL[ESS]-ATTR.PL-DAT	МЫ-ERG	
должным	МЫ	
<i>далтуливан₃</i> ;		
<i>d-alt-uli=wan</i> ;		
NPL-оставить.IPFV-CVB=как		
как оставляем		
‘прости нам наши долги, как мы оставляем тем, кто должен нам;’		

(1) О внутренней форме слова *čeb-la* ‘долг’ см. комментарий 4 к стиху 12 в кубачинском.

(2) Прилагательное *čeb-laliʔub-si* (мн. *čeb-laliʔub-ti*) ‘должный, имеющий долг’ является атрибутивизированной при помощи обычного показателя атрибутива *-si* (мн. ч. *-ti*) формой субэссива *čeb-la.li-ʔu-b* (долг-SUB-N[ESS]), букв. ‘под долгом’. В данном случае это прилагательное употреблено субстантивированно, в форме дательного падежа множественного числа; буквальный перевод словоформы — ‘тем, кто под долгом’. Её внутренняя структура аналогична структуре формы *спр:ас:іwзіw* ‘сущий на небесах’ в кубачинском переводе, см. комментарий 1 к стиху 9.

(3) Эта словоформа представляет собой аналитическую форму презенса, которая в норме строится по модели: деепричастие несовершенного вида + предикативный показатель (личный показатель или связка в 3 лице). Однако в данном случае частица =*wan* ‘как’ заменяет собой предикативный показатель. Для даргинского это вполне обычно, ср. [Kalinina, Sumbatova 2007: 197]. Глагол =*at-* ~ =*alt-* ‘оставить’ среди переносных значений имеет и ‘поступиться, уступить’ [Юсупов 2017].

- [13] *xIялумцIниличи*₁
ħaʼl-umc'-ni.li-či
 состояние-обыскать.IPFV-MSD-SUPER[LAT]
 до испытания
*детмадиркахъаба*₂,
d-et-ma-d-irk-aq-ab-a,
 1PL-AND-PRON-1PL-падать.IPFV-CAUS-OPT-1
 не позволю (нам) дойти
*илбислизирад*₃ *дерцахъаба*
ilbis.li-zi-r-ad *d-erc-aq-ab-a*
 дьявол-INTER-1PL-EL 1PL-спастись.PFV-CAUS-OPT-1
 от дьявола спаси (нас)
 ‘не доведи нас до искушения (букв. до испытания), спаси нас от дьявола.’

(1) Словоформа *ħaʼlumc'niliči* имеет в своей основе сложный глагол *ħaʼl-umc'-* ‘исследовать, испытывать’ (также имеет значение совершенного вида), который состоит из именной части *ħaʼl* ‘состояние, характер’ (из арабского *ħāl* ‘состояние’) и глагола *umc'-* ‘обыскивать, осматривать; обыскать, осмотреть’. Таким образом, русскому ‘искушение’ соответствует понятие ‘испытание’.

Этот глагол, в свою очередь, употреблён в форме масдара (отглагольного имени), что является довольно точным соответствием существительному ‘искушение’ в славянском и русском переводах. Использование пространственной формы

суперлатива объясняется управлением глагола, см. комментарий 2 ниже.

В более ранней версии перевода в этой позиции использовалось слово *xul-d-ir-aq-ni.li-ĉi* (мечта-1PL-делать.IPFV-CAUS-MSD-SUPER[LAT]). Глагол *xul-ar-es ~ xul-ir-es* ‘мечтать, вожделеть’⁵ (букв. ‘мечта делать’) используется здесь в каузативной форме, так что в качестве переводного эквивалентна русского ‘искушать’ был выбран даргинский глагол, обозначающий ‘каузировать мечтать/вожделеть’, ‘вызывать мечту/вожделение’ (без негативных коннотаций, присущих русскому ‘искушение’).

(2) Форма *detmadirkaqaba* является каузативом от глагола *zet-ik-es ~ zet-irk-es* ‘дойти до чего-л.’; следовательно, его значение — ‘довести’. В этом глаголе используется базовая основа *zĭk-* ~ *zirk-*, которую можно условно перевести как ‘падать’, хотя в независимом употреблении (без пространственных превербов) она в таком значении не употребляется. Данный глагол управляет суперлативом, что и объясняет использование слова ‘искушение’ в форме этого пространственного падежа.

Об использовании оптатива вместо императива с объектами-локуторами см. комментарий 4 к стиху 13 кубачинского перевода.

Об использовании показателя среднего класса (в литературном языке *d-*, *-r-*, *-r*) множественного числа для контролёров 1 и 2 лица множественного числа см. комментарий 3 к кубачинскому стиху 12.

(3) Интересно, что для обозначения дьявола автор данного перевода выбрал слово *ilbis* ‘иблис, дьявол’, тогда как

⁵ Хотя ‘желать’ присутствует в числе значений этого глагола в словаре [Юсупов 2017], следует отметить, что он не является базовым словом для значения ‘хотеть’ в литературном даргинском: эту роль выполняет несов. в. *zĭg-* ‘хотеть, любить’. Значение ‘желать’ у данного глагола, вероятно, является производным от ‘мечтать’ и стилистически и семантически маркировано.

в кубачинском используется *š:et'an* 'шайтан, Сатана'. Оба слова употребимы в обоих диалектах и восходят к арабским первоисточникам (ар. *ʔiblis*, *šayṭān*). Следует, впрочем, отметить, что в арабском языке *ʔiblis* обозначает именно Сатану (предводитель злых духов), тогда как *šayṭān* можно перевести как 'демон, бес' (один из злых духов)⁶.

4. Заключение

Из представленных выше комментариев видно, что два перевода имеют ряд отличий, обусловленных как различиями между самими языками, так и различными стратегиями, избранными переводчиками. Кратко рассмотрим эти отличия в настоящем разделе.

Оба перевода содержат конструкции, не характерные для разговорной речи и скорее свойственные письменному регистру, а также прямые кальки с исходного текста (в обоих случаях перевод производился с русского). При этом в литературном переводе таких случаев гораздо больше, что вполне объяснимо, т. к. литературный даргинский, в отличие от кубачинского, — язык со сравнительно давней письменной традицией, которая к тому же испытала сильное влияние русского языка.

Наиболее характерная «книжная» особенность — использование союзов вместо деепричастных конструкций. Оба переводчика использовали заимствованный из арабского союз *амма* 'но' в переводе стиха 13 ('и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого'). По-видимому, в данном случае переводчики стремились максимально точно передать семантику и прагматику исходного текста, что при использовании простых деепричастий (наиболее естественных в данном контексте) может быть затруднено: конструкция вида 'не вводя нас в искушение, избавь нас от лукавого', во-первых, не включает первую клаузу в сферу действия иллокутивной

⁶ Я благодарен за это замечание К. Т. Гадилини.

силы императива, во-вторых, не содержит прямого указания на противительное прочтение.

В литературном переводе конструкция с союзом использована также в переводе стиха 10 (‘да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе;’), причём её употребление нельзя считать влиянием русского текста, поскольку в русском *и* в данном случае выступает как аддитивная частица (‘также и на земле’); в даргинском заимствованное из арабского *wa* ‘и’ используется именно в функции союза.

Интерес представляет также перевод словосочетания ‘Царствие Твое’ в стихе 10. В литературном варианте используется буквальный перевод — слово *paĉaʿhdeš*, абстрактное существительное от *paĉaʿh* ‘царь’. Кубачинский же переводчик, видимо, стремясь избежать коннотаций, связанных с государственной властью, использовал перифрастическую формулировку: *ила хабарра улка* ‘страна Твоей славы’ или ‘Твоя славная страна’ (в зависимости от синтаксического членения).

В стихе 12 по-разному разрешён вопрос о переводе выражений, связанных с оставлением грехов. В литературном переводе снова избрана стратегия буквального следования тексту; буквально текст означает ‘прости нам наши долги, как и мы прощаем нашим должникам’. В кубачинском же метафора оставления долгов сохранена только во второй части перевода (‘как и мы прощаем долги наших должников’); в первой части сказано ‘прости наши грехи’ (*manuh* ‘грех’ из перс. *gonâh* ‘грех’, с метатезой гласных и ассимиляцией начального *g* → *m*).

Наконец, в последнем стихе 13 по-разному переведено понятие ‘искушение’. Кубачинский переводчик выбрал описательную конструкцию: ‘хитрость, поворачивающая нас [с правильного пути]’; в литературном переводе буквально передаётся глагольное имя, использованное в русской версии текста: масдар от глагола ‘испытывать’, т. е., буквально,

‘испытание’. В более ранней версии перевода употреблялся масдар от каузатива глагола ‘мечтать, вожделеть’, т. е. буквально ‘то, что заставляет нас мечтать/вожделеть’.

Следует остановиться и на примечательных сходствах двух переводов. Идентичны по внутренней структуре, несмотря на существенные фонетические отличия, именные зависимые, обозначающие ‘сущий на небесах’: лит. *zubračīwsi*, кубач. *суп:ас:іwзіw* — оба представляют собой атрибутивизированные формы интерэссива множественного числа от существительного ‘небо’. Также практически одинаково переведён стих 11: ‘дай нам хлеб, нужный для этого дня’.

Переводы также неплохо иллюстрируют лексические и грамматические отличия между двумя идиомами. Многие из них отмечены в комментариях; обращу внимание на наиболее характерные из них. В лексике обращает на себя внимание использование разных корней для достаточно базовых терминов ‘имя’ (лит. *u*, кубач. *diba:la*) и ‘отец’ (лит. *dudeš*, кубач. *at:a*). В грамматике можно отметить различные показатели атрибутива (лит. *-si*, мн. ч. *-ti*; кубач. *-ziž*, мн. ч. *-žiu-*); в фонетике — утрату *r* в кубачинском с развитием фонологической долготы гласных, отсутствующей в литературном языке. Другие грамматические различия между идиомами на примере этого текста не столь заметны. Так, глагольные системы двух языков существенно различаются, но в молитве используются преимущественно формы императива, опатива и хабитуалиса (настоящего общего времени) — наиболее стабильные во всех даргинских идиомах. Число используемых падежей также сравнительно невелико; можно отметить лишь различное происхождение показателя локализации SUPER (лит. *-čī*, кубач. *-žī*).

Наконец, следует заметить, что язык приведённого здесь кубачинского перевода ничем не отличается от языка ранее публиковавшегося перевода фрагмента Евангелия от Луки, выполненного А. А. Магометовым [Рождество 2000].

Существенное различие касается лишь передачи суффиксов инфинитива и дательного падежа: *-ij* в старом переводе (и в грамматике А. А. Магометова) и *-i:* в новом. Последний вариант принят в недавних публикациях уже достаточно давно, как минимум начиная со сборника рассказов [Шамов 1994], и закреплён в недавних исследованиях [Магомедов, Саидов-Аккутта 2010; Магомедов, Саидов-Аккутта, Юсупов 2017]. Он лучше соответствует современному кубачинскому произношению и, по-видимому, отражает изменения, произошедшие в языке с момента написания грамматики [Магометов 1963]⁷.

Таким образом, переводы Господней молитвы на литературный даргинский и кубачинский обладают ценностью не только для даргинской культуры, но и в качестве наглядного материала для сопоставления этих двух близкородственных языков. Различия между ними иллюстрируют как грамматические и лексические отличия между обоими языками, так и различные стратегии, выбранные переводчиками. Последнее различие, по-видимому, связано не только с сознательным выбором стиля перевода, но и разницей в регистрах, в которых преимущественно употребляются литературный даргинский и кубачинский.

Литература

Абакарова Ф. О. Русско-кубачинский разговорник. Махачкала, 2002.

Абдуллаев С. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954.

Акиев А. Ш. Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков (система консонантизма). Махачкала, 1977.

⁷ Мимоходом отмечу, что переход *-ij* → *-i:* приводит к нарушению (пусть даже только для долгих гласных) ранее действовавшего правила кубачинской фонологии, согласно которому конечное *-i* всегда переходит в *-e* [Магометов 1963: 39].

Алексеев М. Е., Перехвальская Е. А. Кубачинцы и кубачинский (урбугский) язык // *В. Ю. Михальченко, Т. Б. Крючкова и др.* (ред.) Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. Москва, 2000.

Беляев О. И. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского // *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, 8 (2), 181–227.

Всероссийская перепись населения 2010 года. [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm] (дата доступа: 11 мая 2019 г.)

Гасанова С. М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971.

Добрушина Н. Р. Семантическая зона опатива в нахско-дагестанских языках // *Вопросы языкознания*, 2009, 5, 48–75.

Инжил: Матфейла ГІяхІ хабар; Лукала ГІяхІ хабар [Евангелие от Матфея, Евангелие от Луки на даргинском языке]. Москва, 2013.

Исаев М.-Ш. А. Русско-даргинский словарь. Махачкала, 1988.

Кибрик А. Е. О формальном выделении согласовательных классов в арчинском языке // *Вопросы языкознания*, 1972, 1, 124–131.

Коряков Ю. Б., Сумбатова Н. Р. Даргинские языки // *Большая российская энциклопедия*. Т. 8. Москва, 2007, 328.

Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И. Кубачи: язык и фольклор. Исследование и материалы. Махачкала, 2010.

Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И., Юсупов Х. А. Кубачинско-русский словарь. Москва, 2017.

Магометов А. А. Кубачинский язык (исследование и тексты). Тбилиси, 1963.

Мусаев М.-С. М. Даргинский язык // *Государственные языки в Российской Федерации*. Москва, 1995.

Муталов Р. О. Глагол даргинского языка. Махачкала, 2002.

Муталов Р. О., Юсупов Х. А., Муталов М. Р. Электронный словарь даргинского языка. [<http://dagslovar.ru/>] (дата доступа: 8 мая 2019 г.)

Рождество Иисуса Христа. Перевод на кубачинский язык
А. А. Магомедова // Рождество Иисуса Христа. Москва, 2000,
46–47.

Шамов И. А. Притчи о мулле Насреддине. Махачкала, 1994.

Хайдаков С. М. Лакско-даргинские языки // *В. Н. Ярцева*
(ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. Москва,
1990.

Юсупов Х. А. Даргинско-русский словарь. Москва, 2017.

Aronoff M. *Morphology by itself*. Cambridge, 1994.

Belyaev O. Aorist, resultative and perfect in Shiri Dargwa
and beyond // *D. Forker, T. Maisak* (eds.) *The semantics of
verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*. Leiden,
2018, 80–119.

Chumakina M., Kibort A., Corbett G. Determining a language's
feature inventory: Person in Archi // *P. K. Austin, A. Simpson* (eds.)
Endangered languages (special issue of *Linguistische Berichte*).
Hamburg, 2007, 143–172.

Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective
// *Y. Treis, M. Vanhove* (eds.) *Similitive and equative constructions:
A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 9–32.

Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal
forms in Nakh-Daghestanian languages // *I. Nikolaeva* (ed.)
Finiteness: Theoretical and empirical foundations. Oxford,
2007, 183–249.

Maiden M. Morphological autonomy and diachrony // *Yearbook
of Morphology*, 2004, 137–175.

Nichols J., Peterson D. A., Barnes J. Transitivity and
detransitivizing languages // *Linguistic Typology*, 2004, 8 (2),
149–211.

Nikolayev S. L., Starostin S. A. A North Caucasian etymological
dictionary. Moscow, 1994.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *Icari Dargwa*. München, 2003.

van den Berg H. *Dargi folktales: Oral stories from the Caucasus
with an introduction to Dargi grammar*. Leiden, 2001.

References

Abakarova F. O. Russko-kubachinskiy razgovornik. Makhachkala, 2002. (In Russ.)

Abdullaev S. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). Makhachkala, 1954. (In Russ.)

Akiev A. Sh. Istoriko-sravnitel'naya fonetika darginskogo i lakskogo yazykov (sistema konsonantizma). Makhachkala, 1977. (In Russ.)

Alekseev M. E., Perekhval'skaya E. A. Kubachintsy i kubachinskiy (urbugskiy) yazyk // *V. Yu. Mikhal'chenko, T. B. Kryuchkova et al.* (eds.) Yazyki Rossiiskoi Federatsii i novogo zarubezh'ya. Status i funktsii. Moscow, 2000. (In Russ.)

Belyaev O. Aorist, resultative and perfect in Shiri Dargwa and beyond // *D. Forker, T. Maisak* (eds.) *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*. Leiden, 2018, 80–119.

Belyaev O. I. Aspektual'no-temporal'naya sistema ashtynskogo darginskogo // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2012, 8 (2), 181–227.

Chumakina M., Kibort A., Corbett G. Determining a language's feature inventory: Person in Archi // *P. K. Austin, A. Simpson* (eds.) *Endangered languages* (special issue of *Linguistische Berichte*). Hamburg, 2007, 143–172.

Dobrushina N. R. Semanticheskaya zona optativa v nakhsko-dagestanskikh yazykakh // *Voprosy yazykoznaneya*, 2009, 5, 48–75. (In Russ.)

Gasanova S. M. Ocherki darginskoi dialektologii. Makhachkala, 1971. (In Russ.)

Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective // *Y. Treis, M. Vanhove* (eds.) *Similitive and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2017, 9–32.

Inzhil: Matfeila GlyakhI khabar; Lukala GlyakhI khabar [Evangelie ot Matfeya, Evangelie ot Luki na darginskom yazyke]. Moscow, 2013. (In Dargi)

Isaev M.-Sh. A. Russko-darginskii slovar'. Makhachkala, 1988. (In Russ.)

Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // *I. Nikolaeva* (ed.) *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Oxford, 2007, 183–249.

Khaidakov S. M. Laksko-darginskie yazyki // *V. N. Yartseva* (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1990. (In Russ.)

Kibrik A. E. O formal'nom vydelenii soglasovatel'nykh klassov v archinskom yazyke // *Voprosy yazykoznaviya*, 1972, 1, 124–131. (In Russ.)

Koryakov Yu. B., Sumbatova N. R. Darginskie yazyki // *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya*. V. 8. Moscow, 2007, 328. (In Russ.)

Magomedov A. Dzh., Saidov-Akkutta N. I. Kubachi: yazyk i fol'klor. Issledovanie i materialy. Makhachkala, 2010. (In Russ.)

Magomedov A. Dzh., Saidov-Akkutta N. I., Yusupov Kh. A. Kubachinsko-russkiy slovar'. Moscow, 2017. (In Russ.)

Magometov A. A. Kubachinskiy yazyk (issledovanie i teksty). Tbilisi, 1963. (In Russ.)

Maiden M. Morphological autonomy and diachrony // *Yearbook of Morphology*, 2004, 137–175.

Musaev M.-S. M. Darginskiy yazyk // *Gosudarstvennye yazyki v Rossiiskoi Federatsii*. Moscow, 1995. (In Russ.)

Mutalov R. O. Glagol darginskogo yazyka. Makhachkala, 2002. (In Russ.)

Mutalov R. O., Yusupov Kh. A., Mutalov M. R. Elektronnyi slovar' darginskogo yazyka. [<http://dagslovar.ru/>] (accessed: May 8 2019) (In Russ.)

Nichols J., Peterson D. A., Barnes J. Transitivity and detransitivizing languages // *Linguistic Typology*, 2004, 8 (2), 149–211.

Nikolayev S. L., Starostin S. A. A North Caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994.

Rozhdestvo Iisusa Khrista. Perevod na kubachinskii yazyk
A. A. Magometova // Rozhdestvo Iisusa Khrista. Moscow, 2000,
46–47.

Shamov I. A. Pritchi o mulle Nasreddine. Makhachkala, 1994.
(In Russ.)

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. Icari Dargwa. München, 2003.
van den Berg H. Dargi folktales: Oral stories from the
Caucasus with an introduction to Dargi grammar. Leiden, 2001.
(In Russ.)

Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 goda. [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm] (accessed: May 1 2019) (In Russ.)

Yusupov Kh. A. Darginsko-russkiy slovar'. Moscow, 2017.
(In Russ.)

Беляев Олег Игоревич

МГУ им. М. В. Ломоносова

Институт языкознания РАН

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,

Москва, Россия

Belyaev Oleg Igorevich

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Moscow State University

Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration

Moscow, Russia

belyaev@ossetic-studies.org